

Э. Й. ГРИНАВЕЦКЕНЕ, Ю. Ф. МАЦКЕВИЧ, Е. М. РОМАНОВИЧ,
Е. И. ЧЕБЕРУК

НЕРЕГУЛЯРНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ФОНЕТИКЕ, АКЦЕНТУАЦИИ И ГРАММАТИКЕ БЕЛОРУССКИХ ГОВОРОВ ЗАПАДНОЙ ЗОНЫ

В статье анализируется ряд явлений белорусских народных говоров, относящихся к нерегулярным образованиям в области фонетики, акцентуации и грамматики. Большинство из них локализуется в пределах западной зоны белорусского языкового континуума (Гродненская, Минская, Витебская обл.).

I. Звуковые диалектные различия, не относящиеся к фонетической системе белорусских говоров.

а) Белорусские говоры пережили сужение широкого¹ гласного *e* и его изменение в звук заднего ряда *o*(*ë*) под ударением перед твердым согласным, напр.: *бярэза* 'берёза', *лён*, *лёд*. Однако в западных белорусских говорах в отдельных словоформах в указанной позиции после мягких согласных отмечены случаи *a* (<*e*), напр.: *маладзьяш* (вместо *маладзёж*) 'молодёж', *капяшка* (вместо *капёшка*) 'копна' (сена), *ужо цямня* (вместо *цямне*) 'темнеет' (Волковыский, Щучинский р-ны). Данное явление известно и в заимствованиях, напр.: *рыдляўка* (вместо *рыдлёўка*) 'лопатка', *цвяк* (< нем. диал. *zweck*, ср. польск. *świek*) 'гвоздь'. Как известно, во многих случаях изменения в языковой системе часто бывают не абсолютными², вследствие чего нарушается регулярность тех или иных системных закономерностей. В данном случае наличие гласного *a* в морфеме под ударением перед твердым согласным — не что иное, как реликтовое явление, не поддавшееся изменению. Это, по всей вероятности, сохранение более древнего качества гласного *e*. Подобное изменение, возможно, вызвано преобладанием на данной территории суффиксов с вокалическим элементом *a*, *я* в именных и глагольных образованиях, напр.: *авяча мяса*, *курáча пёр'я*³. С другой стороны, произношение *a* из *e* в данной позиции характерно и для говоров соседнего литовского языка, напр.: *g'āras* (< *gēras*) 'добрый', *v'āža* (< *vēža*) 'везёт, -зут', *ž'āmas* (< *žēmas*) 'низкий' (также и заимствование *c'v'ākas* (< *cvēkas*) 'гвоздь'⁴). Поэтому есть некоторое основание видеть в данном случае и поддерживающее влияние фонетической системы литовских говоров.

¹ Ср. Нарысы па гісторыі беларускай мовы, Мінск, 1957 (далее — Нарысы), с. 63 (§ 48).

² Ср. там же, с. 54—55.

³ Ср. Дыялекталагічны атлас беларускай мовы, Мінск, 1963 (далее — ДАБМ), карта № 185.

⁴ Ср. Z. Zinkevičius, Lietuvių dialektologija, Vilnius, 1966 (далее — LD), карта № 12.

Наряду с этим на данной территории в указанной позиции широко известны также случаи суженного гласного *e*, произносимого как дифтонг переднего ряда *ie*, напр.: *авэс* 'авэс', *лед* 'лёд', *мед* 'мёд', *бёрда* 'бёрда' (Вороновский, Волковыский р-ны). Суженное *e* отмечено и в глагольных формах исследуемых говоров, напр.: *пек хлеб*, *напэк алъткаў*, *спек яёшню*, *завэс да фэрмы*, *прывэс паціфён*, *павёў каня*, *бок раздзёр*, *памёр сын* (Вилейский р-н)⁵. В данном случае выравнивание *e* в корневой морфеме могло произойти под влиянием формы инфинитива, ср. *пекчы*: *пек*, *завесці*: *завэс*, *павесці*: *павёў*, *памерці*: *памёр*. Но наличие *e* под ударением в отдельных словах, возможно, является результатом более сильного воздействия ударения. Под ударением гласный *e*, как видно из примеров, значительно удлинился и одновременно стал более напряженным и суженным.

Данное явление, по всей вероятности, тождественно аналогичному явлению, отмеченному в некоторых литовских говорах белорусского пограничья, в которых вместо долгого узкого *é* литературного языка (< из широкого **ē*), как и в соседних белорусских говорах, произносится нерегулярный дифтонг *ie*, напр.: *turiej* ~ *turėjo* 'имел, -ла, -ли', *guliej* ~ *gulėjo* 'лежал, -ла, -ли'⁶.

В этой связи вызывает интерес и наличие в исследуемых говорах ударного *o(ě)* из закрытого древнего *ě*⁷, напр.: *аслёп* 'ослеп', *бясёда* 'беседа' (Новогрудский р-н), *пабёх* 'побег' *у лес*, *ён палёс* 'полез' *на гару*, *ня улёс* 'улез' *у хлев*, *слёс* 'слез' *снех* (Вороновский р-н). Отмеченные случаи отклонения от нормы перехода *ě* в *o(ě)*, вероятно, вызваны его позиционным положением. Прежде всего здесь могло оказать воздействие чередование гласных *e*: *o(ě)* в корневых морфемах глагольных форм: *нёс*: *нёсці*, *вёў*: *вёсці*; *e*, приравниваясь к *o(ě)*, должен был несколько сократиться, вследствие чего стал более широким и изменился в звук заднего ряда *o(ě)*.

б) В отдельных словоформах отмечено чередование *a*: *o*, напр.: *трава*: *трoвы* (Вилейский р-н). Этот единичный случай относится к периферии ареала распространения *a > o* перед *y* (типа *прoўда*: *п्राўда*) в говорах с недиссимилятивным аканьем⁸. Но в говоре нас. пункта Салоное (Вилейский р-н), где отмечена словоформа *трoвы*, произносится *п्राўда*, *даў*, *лаўка*. Возможно, *трoвы* относится к явлению лабиализации и сужения гласного *a* перед *ў*, которое в этом говоре уже стерлось, сохранившись лишь в форме родительного падежа мн. ч. (*троў*). Затем, вероятно, произошло выравнивание гласного во всех формах мн.ч. (: *трoвы*, *трoвам*, *трoвах*). Сохранение данного остаточного явления поддерживается и позиционным чередованием типа *савa*: *сoвы* при акающем вокализме.

Лабиализация и сужение первого компонента дифтонга *ai* наблюдаются и во всей Восточной Литве. Это особенно ярко выражено в дзукских говорах,

⁵ Больше примеров см. Хрэстаматыя па беларускай дыялекталогіі, Мінск, 1962, с. 7, 8, 9, 46, 47, 122, 131, 142 и др.

⁶ Ср. ЛКТ, с. 388 и др., также Е. Й. Гринавецкене, Некоторые явления контактирования литовских и славянских говоров (на материале языковых контактов в юго-восточной Литве, — Балто-славянский сборник, Москва, 1972, с. 399 и сл.

⁷ Ср. Нарысы, с. 56.

⁸ Ср. ДАБМ, карта № 28.

напр.: *sāūsas* || *sāūsas* 'сухой', *lāūkas* || *lāūkas* 'поле', *radāū* || *radāū* 'нашел, -ла'⁹. Данное явление отмечено и в изолированных литовских говорах на территории Белорусской ССР, напр.: *proūsc* 'умывать', *gloūsc* 'прижимать к груди', *kroūjas* 'кровь'¹⁰. Из сказанного и данных, представленных на упомянутой выше карте № 28 ДАБМ, видно, что территории отмеченных явлений соприкасаются. Поэтому можно предполагать, что эти особенности обоих языков являются общими.

в) При различении фонем *с* и *ш* в единичных словах в пределах западной зоны белорусских говоров отмечено некоторое колебание. Чаще всего вместо обычного для остальных говоров согласного *с* в данном случае здесь нерегулярно выступает согласный *ш*, напр.: *шпінá* 'спина' (Вороновский р-н), *шканéц* 'скопец' (Паставский р-н), *шараканбшка* 'сороконожка' (Браславский р-н), *шлюць* (< *слюта*) 'слякоть' (Новогрудский р-н). В заимствованных словах в этих говорах сохраняется свойственное языку источнику произношение упомянутых согласных, напр.: *паршўк* 'поросёнок', ср. лит. *paršiukas* (данное слово с таким произношением в белорусских говорах занимает компактный ареал¹¹); *склют*, *склюд* 'тесло', ср. *шклюд* 'т.с.' (Калинковичский р-н), лит. *skliūtas*; *пашкўства*, *пашкўда* 'гадость, мерзость' (Новогрудский, Паставский р-ны; данные слова, по всей вероятности, получены через литовский язык), ср.: *пашкўда* (Рогачевский р-н), лит. *paškustvā* 'т.с.' < из польск. *paskudstwo*, *paskuda*.

г) Отмечено здесь и необычное для белорусского языка факультативное произношение согласного *к* перед *е*, напр.: *кéшкацца* при обычном *кóшкаць*, *кóшкацца* 'копать, копаться', *накéўзацца* 'пачкать', *клякéча* при *клякóча* 'щелкает' (Новогрудский, Ашмянский, Ивьевский р-ны), *закéлтаць* *мiлту* при наиболее распространенном *закалацiць* 'развести водой, размешать'¹². Возможно, что отмеченные случаи вызваны общим характером чередования твердых-мягких согласных в парадигмах спряжения, но, возможно, относятся и к реликтовым или субстратным явлениям, ср. лит. *kėšinti* 'медленно идти', *kiaūžeris* 'зевака', *klekėnti* 'щелкать'.

д) В этих говорах в отдельных лексемах соответственно *х* произносится *к*, напр.: *káта* 'хата', *жанiк* 'жених', *клен* 'хлеб', *канюк* 'конюх'. Эта черта обычно захватывает большой круг лексики в тех пунктах, где население общается на белорусском и литовском диалектах. Нами отмечены следующие случаи в Вороновском р-не (дер. Старые Смильгини): *чарómка* 'черёмуха', *чкáя* 'чихает', *казяiн* 'хозяин', *жанiкi* 'жанихи', *чатыры пáры сок* 'сох', *прыéхаў да iк* 'их', *не бáчыла iк* 'их' и мн. др. В традиционных литовских говорах согласный *ch* произносится как *к*, напр.: *kòras* (литер. яз. *chòras*) 'хор', *kaukòzas* (< из *kolchòzas*) 'колхоз', *kòlera* (литер. яз. *chòlera*)

⁹ Ср. LD, с. 92–94.

¹⁰ Ср. J. Senkus, Kai kurie Lazūnų tarmės upatumai, „Lietuvos TSR Mokslų akademijos darbai, A serija“, 1(1958), с. 185.

¹¹ Ср. ДАБМ, карта № 292.

¹² Ср. также А. У. Арашонкава, Е. И. Грынавецкене, И. П. Кавальчук, Ю. Ф. Мацкевич, Я. М. Раманович, А. И. Чабярук, Л. Ф. Шаталава, Да лексіка-семантичнай дыферэнцыяцы ў беларускіх народных гаворках, „Весці Акадэміі навук Беларускай ССР, № 1, 1971, Серыя грамадскіх навук“, с. 95–96.

‘холера’, *karāktorius* (литер. яз. *charakteris*) ‘характер’, *kūdas* (из *chūdas*) ‘худой’ и мн. др.¹³ Изменение *ch* в *k* характерно и для других западных белорусских говоров¹⁴. Так как согласный *ch* для собственнолитовских слов совсем чужд и встречается, как видно из примеров, только в заимствованных инновациях литературного языка, можно предполагать, что белорусские говоры западной зоны переняли данную особенность языка своих западных соседей.

е) В том же говоре (в говоре Старые Смилгини) наблюдается утрата начального фрикативного *g* (*h*), напр.: *ультáй* (< *гультай*) ‘лентяй’, *óлы* (< *гóлы*) ‘голый’, *арыць* (< *гарыць*) ‘горит’, *адўй* (< *гадўй*) ‘воспитывай’, *алавёшка* (< *галавёшка*) ‘головня’, *арчыца* (< *гарчыца*) ‘горчица’, *арошаны* (< *гарошаны*) ‘гороховый’, *умнісак* (< *гумнісак*) ‘гуменник’, *алоўка* (< *галоўка*) ‘головка’, *устáя* (< *густáя*) и мн. др. Данное явление относится к языковой интерференции в условиях литовско-белорусского билингвизма, так как в традиционных литовских говорах начальное *h* заимствованных слов всегда отпадает, напр.: *aktāras* (литер. яз. *hektāras*) ‘гектар’, *eĩrikas* (литер. яз. *Heĩrikas*) ‘Генрих’, *eĩbas* (литер. яз. *heĩbas*) ‘герб’, *imnas* (литер. яз. *himnas*) ‘гимн’, ср. еще *arielkà* (< белор. *гарéлка*) ‘водка’, *arbata* (< польск. *herbata*) ‘чай’, *ālasas* (< польск. *hałas*, белор. *гóлас*) ‘шум’, *aĩdelis* (< нем. *Handel*) ‘торговля’¹⁵. В собственнолитовских словах согласный *h* вообще отсутствует.

II. Говоры западной зоны выделяются и по характеру ударения.

Существительные женского рода с непроизводной основой на *-a*, относящиеся к акцентной парадигме с неподвижным ударением на корень в литературном языке и во многих белорусских говорах, здесь образуют подвижную парадигму с флективным ударением в единственном числе, напр.: *лiпá*, *лiпé*, *лiпú*, *лiпóй* (при сохранении корневого ударения во множественном числе: *лiпы*, *лiпáў*, *лiпам*, *лiпамi*, *на лiпах*). К этому акцентуационному типу относятся существительные: *мухá*, *хмарá*, *грушá*, *будá* и некоторые другие. Приведем несколько иллюстраций: *будá*: *у будзé сабáка спiць*; *скурú* *знáў*; *мухá кусúшчáя* (Вороновский р-н); *вéлька грушá* (Щучинский р-н); *на дне засталáся гушчá з гру́цы* (Мостовский р-н); *скулá* (Островецкий р-н); *скурá*; *пад скурóй* (Ивьевский р-н); *хмарá цёмная iдэ́* (Новогрудский р-н). Но перечисленные здесь существительные не отличаются последовательностью передвижения ударения: в одних говорах подвижная акцентная парадигма включает большой круг существительных, в других — лишь отдельные слова. Так, например, *курá* с флективным ударением отмечена и в ряде центральных районов (Червенский, Рогачевский и др.).

В круг флективного ударения входит и производные существительные с основой на *-a*, напр.: *сынавá* (Мостовский р-н), *свiнчагá* ‘свинец’ (Новогрудский р-н), *рабiнá*, *калiнá*, *хваiнá* (Вороновский р-н), *даўнiнá* ‘старина’, *малiнá*, *крамiнá* ‘материал фабричного изделия’ (Червенский р-н), *мякiнá*, *балацiнá*:

¹³ Ср. LD, с. 152; Lietuvių kalbos gramatika, I, Vilnius, 1965, с. 66.

¹⁴ См. Е. Й. Гринавецкене, И. П. Ковальчук, Ю. Ф. Мацкевич, Е. М. Романович, Северо-западные белорусские говоры литовского пограничья, — Балто-славянский сборник (далее — БСС), Москва, 1972, с. 378.

¹⁵ Ср. LD, с. 152–153.

(Щучинский р-н), *альшына* 'ольха', *маліна* (Свислочский р-н), *даліна*, *нізіна* (Новогрудский р-н), *гайна* 'стадо', *гандля* 'т.с.' (во многих пунктах, см. карту изоглосс № 1), *сушня*, *даўбня*, *жайцюха* 'желтуха', *смярдзюха* 'воноха' (Ивьевский р-н) и мн. др.¹⁶ Значительное количество приведенных суффиксальных образований относится к *sing. tantum*.

Акцентуация приведенных выше слов очень сходна с акцентуацией именительного падежа единственного числа аналогичной группы существительных соседнего литовского языка, в котором двухсложные и многосложные существительные ж. рода с кратким окончанием и кратким или сильнооконченным предпоследним слогом, а также древние окситоны в именительном падеже единственного числа во всех случаях имеют ударение на окончание, напр.: *žakà* 'ветвь', *rankà* 'рука', *trobà* 'хата', *sveikatà* 'здоровье', *pabaigà* 'конец'. Данное правило касается и заимствований: *kvietkà* 'цветок', *terbà* 'мешок', *skūrà* 'шкура', *vušnià* 'вишня', *kamarà* 'кладовая'. Скорее всего, данная акцентуационная особенность западных белорусских говоров тождественно соответствующей системе ударения литовского языка. Данному явлению могли способствовать слова литовского происхождения, употребляемые в белорусских говорах, исходная акцентуационная структура которых, соответствующая источнику заимствования, здесь освоена и сохранена, напр.: *найда* 'польза', *салà* 'остров', *кўдра* 'пруд; хороший участок леса', *мільта* 'еда из овсяной муки', *дўлька* 'пыль' и др., ср. лит. *naudà*, *salà*, *kūdra*, *milta* 'еда из кислого молока и гречневой муки', *dūlkė*. Однако в некоторых белорусских заимствованиях из литовского отмечены и акцентуационные отклонения от исходных форм, ср. лит. *bandà* 'булка хлеба' и белор. *бонда* 'т.с.', лит. *kūlšė* 'бедро' и белор. *куліш* и *кўльша* 'т.с.', лит. *taurai* 'ряска' и белор. *майра* 'т.с.' и др.

Таким образом, в исследуемых белорусских говорах западной зоны среди лексического состава имен существительных с основой на *-a* значительную группу составляют имена с флексивным ударением в формах единственного числа. Это дает основание предполагать, что дистрибуция данного акцентуационного типа складывалась под влиянием указанных выше многочисленных литовских форм в условиях белорусско-литовских контактов, в итоге которых в пограничных говорах расширился тип с основой на *-a* с флексивным ударением, хотя отдельные формы могут иметь расхождение.

Следует учитывать, что влияние исходило как от отдельных заимствованных лексем, так и от всего структурного типа, который мог вызвать тенденции к передвижению ударения на окончание.

III. Грамматические различия, выделяющие западную зону белорусских говоров от остального белорусского массива.

а) Лексический состав имен существительных *a*-основы в говорах западной зоны пополнился за счет переоформления иных основ, напр.: *мышш* 'мышь', *мышшю*; *гуся* 'гусь', *гусёю*, *гусёй*¹⁷. Возможно, здесь оказало влияние

¹⁶ Ср. еще БСС, с. 379–380.

¹⁷ Ср. ДАБМ, карты №№ 80–83; также Лінгвістычная геаграфія і групоўка беларускіх гаворак, Мінск, 1968, с. 139–140; Лінгвістычная геаграфія і групоўка беларускіх гаворак, Мінск, 1969, карта № 56; *Baltų kalbų veiksmažodžio tyrinėjimai*, Vilnius, 1973, с. 247; также БСС, с. 379.

и грамматическая система соседних литовских говоров, в которых существительное женского рода, как правило, не имеют словоформ с нулевой флексией.

б) В белорусском литературном языке и в значительной части говоров слово *стада* 'стадо' относится к среднему роду. В западных говорах оно образует падежные формы по типу существительных *a*- основы, напр.: *стада*, *стады*, *стадзе*, *стаду*, *стадай(ю)*, *у стадзе* (см. карту изоглосс № 1). Изменение рода в данном случае тоже, по всей вероятности, обозначается поддерживающим влиянием литовского языка, в котором прямое соответствие исследуемого слова является существительным женского рода, ср. *bandà* 'стадо'.

Необходимо отметить, что в древних письменных памятниках литовского языка и его говорах известны заимствования из белорусского языка *stōdas*, *stodà* 'стадо'¹⁸. Судя по их форме, можно предполагать, что они не имеют никакой связи с категорией рода слова *стада*, употребляемого в белорусских говорах западной зоны в настоящее время. Следуя за К. Бугой, литовские *stōdas*, *stodà* относятся к более древним заимствованиям, и род последних чисто формально зависит от фонетической системы как литовского, так и белорусского языков того времени (ср. лит. *pōsmas* < *násmo*, *bōgnas* < *bágnu*; *peklà* < *piekto*, *provà* < *právo*)¹⁹. Воздействие фонетических законов белорусских говоров на изменение категории рода диалектного *стада* в данном случае полностью отсутствует, ср. белор. *гóra* (ср. род) < *горе*, *дзэрава* (ср. род), *стада* (ж. род), *дружáка* (м. род) и др.

В результате отмеченных процессов в разных частях белорусских говоров западной зоны лексический состав имен существительных *a*- основы шире, и то в значительной мере обусловлено белорусско-литовскими контактами.

в) В белорусских говорах имеются свои специфические средства выражения пространственных, временных и других отношений. Обычно в литературном языке эту роль выполняют сочетания предлогов с различными падежными формами. В говорах же исследуемой зоны часто в этой функции выступают беспредложные конструкции.

Соответственно предложной конструкции с предлогом *у*+ винительный падеж для выражения обстоятельства времени в народной речи исследуемых белорусских говоров употребляется творительный времени. При обозначении моментного действия в функции творительного времени выступает чаще всего адвербиализированный творительный имени единственного числа, напр.: *но́чай* (литер. яз. *у ноч*) *абіра́лі я́блыкі* (Вороновский р-н); *паўднё́м* (литер. яз. *у поўдні*) *прыйш́ла́; ё́н па́роў* (литер. яз. *у па́ру*) *прыйшо́ў; які́м врэ́мям схо́дзі́м* (Ивьевский р-н); *не адны́м врэ́мям* (литер. яз. *не ў адзін час*) *прыйду́* (Ашмянский р-н). При обозначении повторяемости действия в функции творительного времени выступает творительный имени множественного числа, но его формы неадвербиализированны, напр.: *недзэ́лямі* (литер. яз. *у недзэ́лі*) *былі кярмаш́ы* (Ивьевский р-н); *вечара́мі* *бўдзем піса́ць* (Новогрудский р-н).

¹⁸ См. P. Skardžius, Die slavischen Lehnwörter im Altlitauischen, Kaunas, 1931, с. 207; картотека „Словаря литовского языка“, хранящаяся в рукописных фондах Института литовского языка и литературы АН Лит. ССР.

¹⁹ Ср. K. Būga, Rinktiniai raštai, III, Vilnius, 1961, с. 46.

Существительные с общим указанием периода времени уточняются определенными словами. Очень часто в этой функции употребляются указательные местоимения, реже прилагательные, напр.: *цяпэрашным часам добра жыць; гэтымі днямі былі даўшы; гэтым годам многа есць яблык, ягадаў, грыбёў* (Новогрудский р-н); *гэтым часам не спіцца; Нёрця прышла гэтай парой* (Волковыский р-н).

Форма творительного падежа множественного числа выражает и длительное время, в течение которого происходят те или иные изменения, напр.: *кρούшня 'куча камней' гадзімі расце* (Вилейский р-н).

Конструкции с творительным времени в большей или меньшей степени свойственны всем белорусским говорам, в особенности для обозначения тех или иных состояний, длящихся в течение определенного периода времени. Этим и определяется их грамматическая функция — выражение обстоятельства времени, напр.: *цяплóm іду жыта жаць; марозам павешалі сушыць бялізну; такую сўшаю жыта ня абыйдзе; вайной пагарэлі* (Новогрудский р-н); *і дажджом есць рабóта* (Щучинский р-н); *у нас святам ня рóбляць; нядзелькай паэдзім с табой; яна яць дзёўкай хварэла* (Вороновский р-н); *днём вянуць квяты* (Волковыский р-н). Но для обозначения моментного действия и действия повторяемого данные конструкции наиболее концентрированы локализируются в западной зоне. В литературном языке и в других говорах, как было уже упомянуто, им соответствуют синонимические предложные обороты.

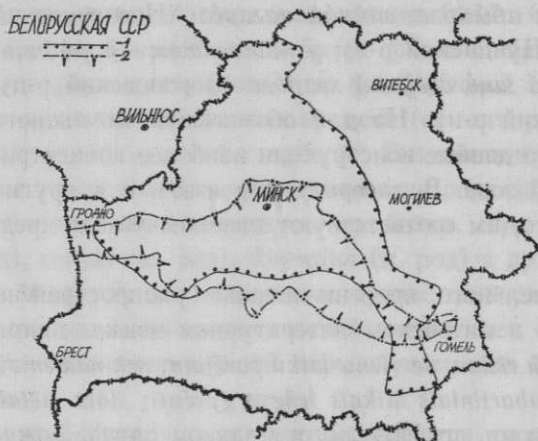
Данные конструкции творительного времени широко распространены в соседних литовских говорах и в литовском литературном языке, напр.: *nakčią nukrėtė obuolius; kokiui laikui eisim; ne vienu laikui parėjom; sekmadieniais būdavo tuŕgai; vakarašs mezgù; dabartiniais laikais leŕgyva gyvènti; šiaŕts mėtais daug grūby; tuo laikui dar nemiegù* и мн. др. Поэтому и в данном случае можно видеть поддерживающее влияние аналогичных конструкций литовского языка.

Наряду с этим в исследуемых говорах широко употребляются конструкции творительного места, творительного орудия, также и творительного количества, напр.: *старанáми шоў дождж; вол бараной шоў* (Ашмянский р-н); *ён ляціць вўлицáми* (Ивьевский р-н); *мылі лўгам адзёжду; ёхалі машынай; канём паэдзе* (Вороновский р-н); *за Алачку годам старэй* (Щучинский р-н). Данные синтаксические конструкции тоже имеют свои прямые соответствия в литовском языке, напр.: *šónais lijo; jáutis vagà eina; jis lāksto gātvmis; šár-tu skalbè; mašinà važiavo; árkliu važiuòs; už Ónà mėtais vyrèsnis*. Однако в белорусском литературном языке и в других говорах вместо беспредложных конструкций в данном случае широко распространены синонимические предложные конструкции, напр.: *у бакáх шоў дождж; па баранэ шоў вол; ён ляціць па вўлицы; мылі ў лўдзе; ёхалі на машыне, на кані; за Алачку на год старэй* и т.п. Отсюда вывод: литовский язык и в данном случае, по всей вероятности, оказал свое поддерживающее воздействие на семантическую систему белорусских говоров западной зоны.

г) В исследуемом языковом массиве белорусских народных говоров отмечены и некоторые менее характерные для славянских языков синтаксические конструкции, но широко употребляемые в соседнем литовском языке и его

говорах. К числу последних в первую очередь относятся родительный части (*genetivus partitivus*) и родительный цели, напр.: *каля кустоў ламоў ёсць* (Ашмянский р-н), ср. лит. *prie krūtų už šakų; užo jágaduį ёсць* (Ивьевский р-н), ср. лит. *jau úogu už; прышоў ён раз каня* (Ивьевский р-н), ср. лит. *atėjo jis kartą árklįo; схажу я са́ла* (Шучинский р-н), ср. лит. *einu aš lašinių* и др. В белорусском литературном языке и других говорах подобные конструкции не сохранились, напр.: *каля кустоў ламы ёсць; ужэ ягады ёсць; прышоў ён каб да́лі каня; схажу я на са́ла* и т.п.

Исследуемый материал, собранный диалектологическими экспедициями 1972–1975 гг., проливает новый свет на проблему изучения балто-славянских языковых, этнических и исторических контактов и значительно расширяет их объем, также дает возможность выдвигать целый ряд теоретических проблем освещения языковой ситуации в белорусско-литовского пограничья в настоящее время.

КАРТА № 1

Распространение слов *гайня́* (гандля́) и *ста́да* (род. п. ста́ду) в белорусских говорах западной зоны

1 — *гайня́* (гандля́), 2 — *ста́да* (род. п. ста́ду)